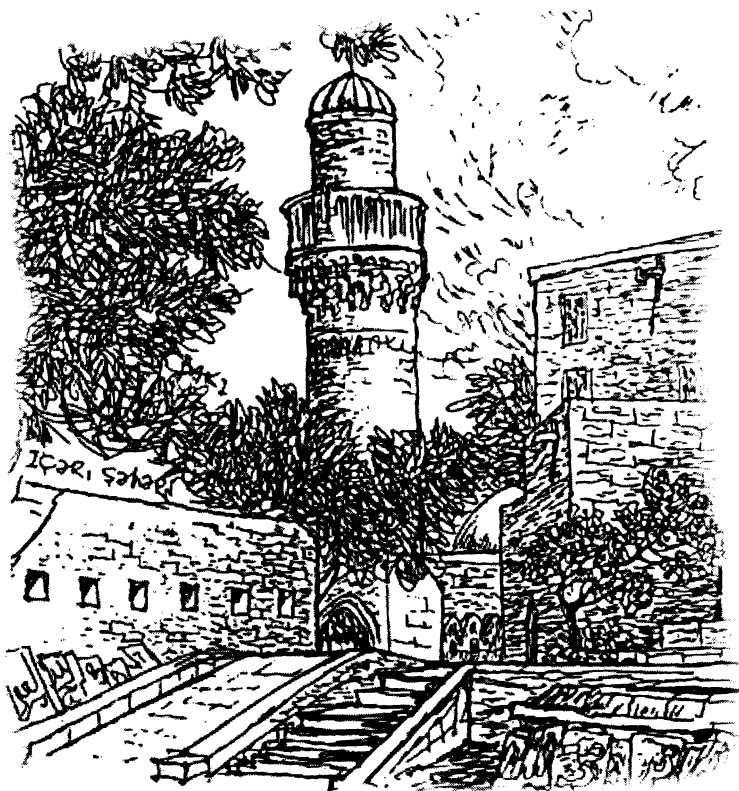

НОБЕРТ ЕВДАЕВ

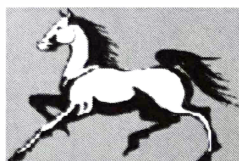
БАКИНСКИЕ РИТМЫ

Евдаев Н. 1991.02

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МИР **ОРИ**

Издательство «New Frontier»

*Книга издана при финансовой поддержке президента
Международного Благотворительного фонда СТМЭГИ
д-ра Германа Рашибловича Захарьева*

Ноберт ЕВДАЕВ

БАКИНСКИЕ РИТМЫ

Сборник стихов

Издание 2-е, исправленное, дополненное

Издательский дом «МИРВОРИ»
Издательство «New Frontier»
ИЗРАИЛЬ-США 2010

Евдаев Н. М.

Бакинские ритмы: стихи / Ноберт Евдаев / [вступ. ст. С.Перец, коммент. Й.Мишиев] [худож. И.Мамедов]. – 2-е изд., испр. и доп. – Израиль: издательский дом «Мирвори», издательство «New Frontier», 2010. – 128 с.:ил.

ISBN 978-9657448-06-09

Каждый человек, принадлежащий к какому-то городу, впитал в себя с детства его органический ритм и музыку, которая свойственна только этому городу. Автор «Бакинских ритмов» приглашает читателей погрузиться в замечательный мир великолепной гармонии, существующей между духовным миром города Баку и Бакинцами, гармонию, которую принято называть Бакинство.

Ритмы родного города – эта чарующая музыка, которая проникает глубоко под кожу и остается там на всю жизнь, где бы ты потом ни жил, куда бы ни забросила тебя судьба.

© Издательский дом «Мирвори», 2010

© Издательство «New Frontier», 2010

© Мамедов И.А., иллюстрации, 2010

ISBN 978-9657448-06-09

© Евдаев Н.М., 2010

ОТ АВТОРА

Это второе дополненное издание избранных стихов. Первое издание вышло в свет в Нью-Йорке в 2003 году.

Я приглашаю Вас, уважаемый читатель, погрузиться вместе со мной в замечательный мир великолепной гармонии, существующей между духовным миром города Баку и Бакинцами, которую принято называть Бакинство.

Каждый человек, принадлежащий к какому-то городу, впитал в себя с детства его органический ритм и музыку, которая свойственна только этому городу. Я призываю читателя через мое скромное творчество ощутить мой город как живой организм, живущий в ритмах и музыкальной теме мугама. У большинства людей, родившихся и проживших какое-то время в Баку, закладывается с рождения этот ритм и эта чарующая музыка, которая проникает глубоко под кожу и остается там на всю жизнь.

Многие бакинцы так организованы, что двигаясь по полю, засеянному талантливыми предками семенами любви и вдохновения, навстречу своему городу, собирают проросшие со временем ростки творческой энергии. Мотив и ритмы Азербайджана бродят в крови и объединяют людей особенно в диаспоре.

Так органично соединились интересы бакинцев, проживающих за границей Азербайджана. В Нью-Йорке образовалась организация «АЗЕМ» Азербайджанское землячество, где ядром является Культурный центр горских евреев, выходцев из Баку, где также присутствуют азербайджанцы, русские, евреи и люди других национальностей. В Израиле тоже создано подобное объединение АзИз (Азербайджан – Израиль).

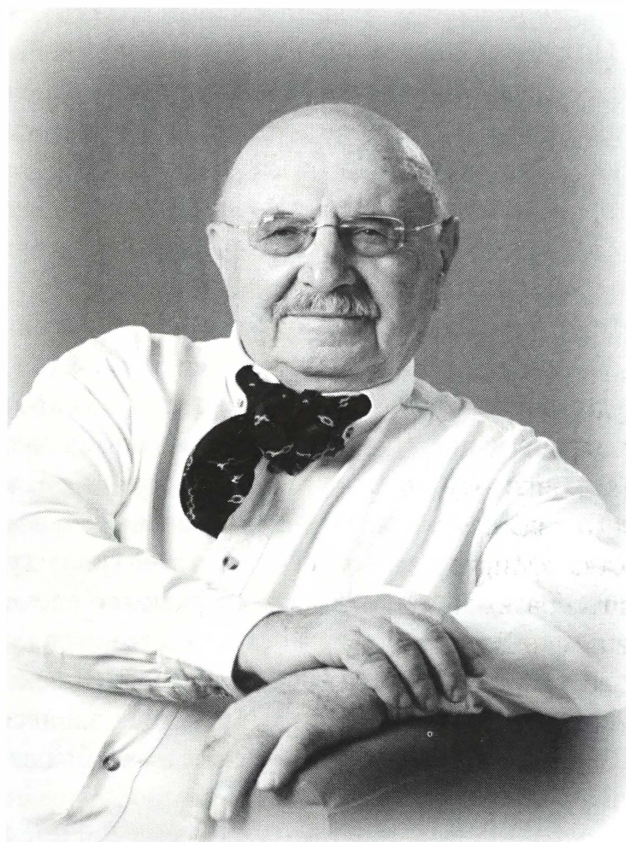
Духовная энергия, вывезенная из Баку и использованная активными членами землячества, объединила людей и создала платформу для творческих деяний. Выход этой книги стихов находится в череде проведенных «АЗЕМ» мероприятий, таких как Джазовый фестиваль, посвященный Вагифу Мустафазаде, Вечер памяти композитора Кара Караева, ряда научных конференций на различные темы, связанные с межобщинными отношениями, Художественная выставка азербайджанской диаспоры.

Я благодарен всем, кто поддерживает меня в моем творчестве и активно участвует в работе «АЗЕМ».

Данная книга стихов – это совместная работа. В ней моё поэтическое творчество слилось с творчеством Заслуженного художника Азербайджана Исмаила Асад оглу Мамедова, который проиллюстрировал книгу своими рисунками. Издание книги осуществляется при сотрудничестве нью-йоркского издательства «Новый рубеж» и израильского издательства «Мирвори». Следовательно, книгу можно считать своеобразным мостом творческих усилий Нью-Йорка, Иерусалима и Баку.

Особо хочется отметить, что издание этой книги было бы невозможно без материальной поддержки президента фонда СТМЭГИ Германа Захарьева, которому авторы приносят особую благодарность.

Надеюсь, что книга найдет уютное место в Вашем читательском сердце.

Ноберт Евдаев

НОБЕРТ ЕВДАЕВ. ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ

Родился в Баку в 1929 году. Учился в школе № 6, в Коммунально-строительном техникуме. Был джазовым музыкантом. Играл в оркестрах на аккордеоне и рояле. Работал в БАГЭСе, затем в Коммунальном управлении Бакоблсполкома, окончил Институт иностранных языков, преподавал английский язык в школе.

С детства увлекался живописью, поэзией. Сотрудничал в газете «Молодежь Азербайджана», занимался историей русского и западноевропейского искусства.

В 1956 году переехал в Москву в связи с женитьбой. Учился заочно в Ленинградском институте связи (ЛЕИС) им Бонч-Бруевича. В Москве работал в Главмосстрое, занимался телефонными коммуникациями. Работал с иностранными компаниями. Выпустил несколько книг в области достижений современной западной технологии.

В 1976 году был принят в Московский Союз художников-графиков. Главным источником творческого вдохновения была русская и азербайджанская художественная культура, творчество художников-авангардистов начала XX века.

С 1989 года живет в США. С 1994 года занялся научным исследованием творчества русских и азербайджанских художников, проживавших в США. Большое внимание уделил одному из лидеров футуризма в России Давиду Бурлюку. Первое издание монографии «Давид Бурлюк в Америке» выпущено в Москве, в издательстве «Наука», в 2002 году. Второе издание этой же монографии, переработанное и дополненное, вышло из печати в июле 2008 году.

В 2003 году в Нью-Йорке вышел в свет первый поэтический сборник Н. Евдаева «Бакинские ритмы». В конце

2006 года в Японии издана книга «Огасавара в бытность Д. Бурлюка».

Ноберт Евдаев является издателем и главным редактором русскоязычной газеты «Новый рубеж», выходящей в Нью-Йорке, США. Газета отражает жизнь, интересы, этническую самобытность и достижения представителей горско-еврейского народа, а также все, что связано с политикой, экономикой, культурой Республики Азербайджан и азербайджанской диаспоры.

Ноберт Евдаев является Председателем группы азербайджанского землячества США «AZEM», объединяющей выходцев из Азербайджана разных национальностей. Цель землячества – укреплять связи между выходцами из Азербайджана, живущими в США, поддерживать связь с родиной.

Ноберт Евдаев член Союза художников и Союза журналистов Азербайджана. Имеет правительственную награду Азербайджана – медаль «Тэрэгги».

ИСМАИЛ МАМЕДОВ. ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ

Исмаил Асад оглы Мамедов родился 31.03.48 г. в Баку, Азербайджан. В 1974 г. окончил Академию Художеств в Санкт-Петербурге. В данное время проживает в Нью-Йорке. Женат, 2-е сыновей.

С 1966-го года участник многих республиканских и зарубежных выставок. С 1978-го года член Союза Художников СССР. Член Союзов рекламистов, журналистов, кинематографистов Азербайджана, член Союза журналистов Казахстана, обладатель премий Золотой Дервиш и Умай. Обладатель почетного звания Посол Мира. Заслуженный художник Азербайджана.

Основные направления творчества: станковая живопись, станковая и книжная графика, монументальная декоративная, театрально-декоративная живопись.

Персональные выставки:

Баку – 1985, 1993, 2008, 2009 гг.

Турция – 1993 г.

Англия – 2000 г.

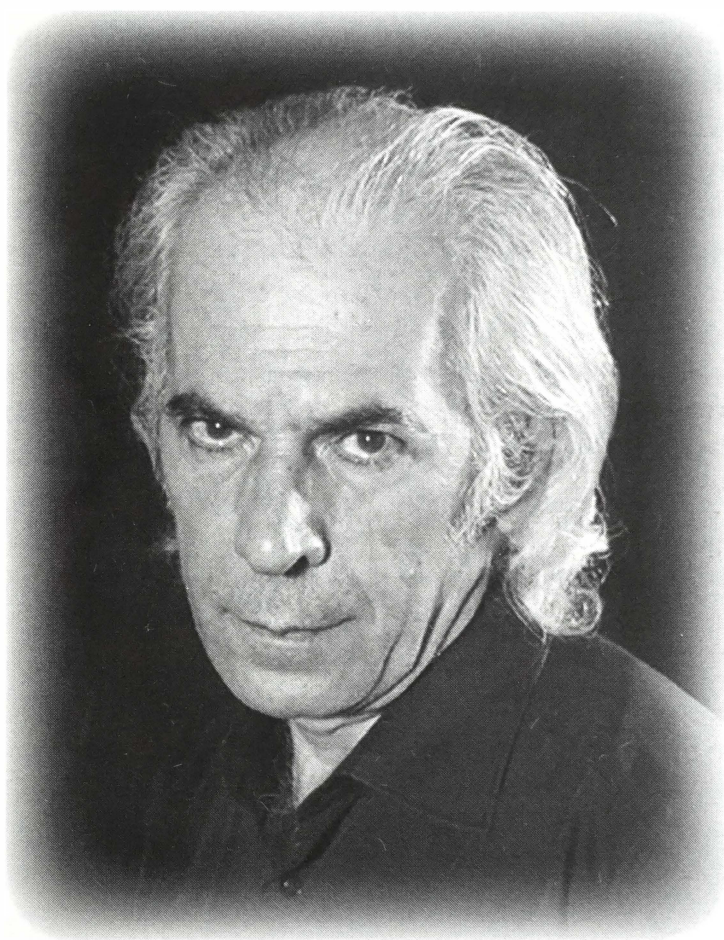
Москва – 2004 г.

Групповые выставки:

Монголия, Москва, Польша – 1987 г.

Австрия – 1991 г.

США, Нью-Йорк – 2009 г.

Исмаил Асад оглы Мамедов

ЗАСЕЯННОЕ ПОЛЕ

Всегда трудно поверять «алгеброй гармонию», холодным стальным скальпелем хирурга проходить по живому, пульсирующему телу поэзии, да и вообще творчества. Хотя, впрочем, иногда и видишь себя как бы в роли акушера, который пытается трезво оценить достоинства и, может быть, недостатки появившегося на свет создания.

Ноберт Евдаев, опубликовавший свой первый сборник стихов всего несколько лет назад («Бакинские ритмы», Нью-Йорк, 2003 г.) удивительным образом сохраняет непосредственность, свежесть и чистоту восприятия. Поэзия для него это способ не только самовыражения, но и существования в нашем непростом мире, способ удивлять читателя и удивляться самому:

Ещё ничего не потеряно.
В пиру заблудившихся чувств.
Я брошусь по зову по первому
И скуку развею, и грусть...

А поле моё всё засеяно.
Я думал, возможно, и зря.
Душа вся тобою прострелена,
Её залатать мне нельзя.

Душа, «простреленная» поэзией, творчеством... На мой взгляд, взгляд человека, знакомого с Нобертом Евдаевым где-то еще с конца 40-х годов прошлого века, с

наших студенческих лет, приведенные выше строки – очень точная и отнюдь не преувеличенная самооценка его как поэта, художника, исследователя, специалиста и даже (!) общественного деятеля.

Такой посыл тем более оправдан, что во всех перечисленных сферах творческая составляющая Ноберта Евдаева неразрывно переплетается с его биографией, его линией жизни. Отсюда открытый и прямой «автобиографизм» творчества, когда стихи, картины, исследования, общественная деятельность, дополняя друг друга, сплавлены в единое целое и представляют разные грани жизненного пути с его зачастую непредсказуемыми, но неизбежными крутыми поворотами.

Поэтому будет справедливым, мне кажется, хотя бы конспективно рассказать об авторе книги.

Ноберт Евдаев родился в Баку. В студенческие годы увлекался джазом, живописью, историей западноевропейского искусства. Я помню, с каким наслаждением он и его покойный друг Валя Багиров «лабали джаз» в составе популярных в городе музыкальных коллективов, да он и сам это прекрасно помнит:

Не слепили нас рампы огни,
Нет афиш, титулованных фраз,
В те бакинские сладкие дни
Мы создали свой собственный джаз.

Окончив институт иностранных языков, он переехал в Москву, где с 1956 г. работал над переводами и публикациями в области современных технологий. В этой сфе-

ре его перу принадлежат несколько книг и технический справочник.

С 1989 года Ноберт живёт в США. Продолжает писать стихи, серьёзно занимается живописью. Многие его работы находятся в частных коллекциях в Израиле, США и России.

В этой связи представляется интересным сопоставление живописных произведений Ноберта Евдаева с поэтическими. Кажется, что его холсты и рисунки говорят на том же художественном языке, что и стихи. Вот, например, полотно «Ритмы», на котором запечатлено выступление трио народных музыкантов. Всматриваясь, будто одновременно слышишь и стихи:

Сегодня время лезет вспять
К бакинским берегам,
Как будто только двадцать пять
И вновь родной мугам...

...и тягучую восточную мелодию...

Главный источник творческого вдохновения – русская художественная культура, творчество художников-авангардистов начала прошлого века. Особенно тех, кто после октября 1917 г. осел в США. Ноберт Евдаев опубликовал несколько работ на эту тему. В 2002 году издательством «Наука» Российской Академии наук издана в Москве монография «Давид Бурлюк в Америке». В 2008 году вышло второе расширенное и дополненное издание этой же монографии. А в Нью-Йорке Токио в 2006 году вышла в свет книга «Огасавара в быт-

ность Д.Бурлюка и В.Фиалы» (в соавторстве с Акирой Судзуки).

С такой же душевной отдачей, как и к поиску поэтического слова, линии рисунка, анализу творчества полюбившегося мастера, относится Ноберт Евдаев к общественной деятельности. Со времени эмиграции он раскрылся в этой новой для себя ипостаси, посвятив себя делу «собирания камней» о жизни... и истории кавказских евреев – народа, с которым он себя полностью идентифицирует:

Нашли ли мы себя?
В скитаньях, поисках утраченного дома,
Вставая, падая, теряя свой язык?..
И встречный ветер, место у руля
Блуждающего в вечности фантома,
И каждая удача – только миг...

Он активно участвует в налаживании связей между остатками диаспоры на Кавказе, в частности в республике Азербайджан, новыми диаспорами в России, США, Европе и теми, кто в полном соответствии с древними пророчествами поднялся в Израиль и обосновался там.

Огромную работу в этом направлении он проводит как журналист и главный редактор газеты «Новый рубеж». За считанные годы из влачащего жалкое существование секторального листка она превратилась во влиятельное издание, к голосу которого внимательно прислушиваются в Иерусалиме и Нью-Йорке, Москве и Баку, Махачкале и Берлине...

Кстати, в этой газете были опубликованы почти все стихи Ноберта Евдаева, которые теперь нашли место на страницах книги. Примечательно, что значительная часть стихов посвящена детству автора, его родине Баку и Азербайджану:

Если б вдруг в волшебство я поверил,
И года отсчитались бы сами,
Загульбинские детские двери
Я открыл бы своими руками.

Миражи живых и ярких воспоминаний смыкаются в творчестве Ноберта Евдаева с сегодняшним мироощущением, столь же живым, чувственным, ярким.

Баку – наш маленький Нью-Йорк
Всегда будил воображение,
От южных ярких звёзд восторг
И в плоских крышах отраженье.

Или в другом стихотворении:

Родились мы на юге у Каспия,
Где изматывал медленный зной,
Где у Нордов большое пристрастие
Завывать, нарушая покой.

Все равно в перерывах бессонницы
Я, во сне перейдя горизонт,
Напрягаю все мускулы вольности,
Чтоб оставить Нью-Йорк и Вермонт.

Подгоняют нас время и скорости...
Я еще не на той стороне,
И душа ностальгически просится,
Чтобы Каспий увидеть во сне.

Редкая способность замечать всё с большими и большими подробностями. В этих миражах детства Баку и Нью-Йорк, Запад и Восток живут вместе, как хорошие друзья. И такой подход тем органичнее, что Ноберт Евдаев вырос в особом городе, в котором на протяжении жизни одного-двух поколений ментальность и традиции Востока, как пазл, состыковывались с ментальностью и традициями Запада:

Расскажи мне порывистый норд,
Как в согласии жили все вместе,
И из окон мажорный аккорд
Разливался раскатистой песней.

Будто кто-то свыше указал на возможность преодоления конфликта цивилизаций, сотрясающего ныне современный мир. Увы, урок остался невыученным. Естественно возникшая связь так же естественно на глазах этих поколений обрушилась, обратилась в прах, хотя и осталась запечатленной в стихах, картинах, музыке... В наших сердцах...

И не всегда прозрачен путь,
Нам в ожидании Мессии,
Преград простуженная муть,
А с ней озябшая Россия.

Вместе с тем Ноберт Евдаев стремится находить в проявлениях достаточно суровой в наш век действительности «сиянье жизни и тепла» (И. Северянин). В этом отношении привлекает внимание цикл «Блики на лицах» – портреты друзей и близких. Их глубокие и ёмкие характеристики это характеристика и самого автора. Скажи мне, кто твой друг...

Доктор Лев! И достаточно взгляда,
Чтоб диагноз был точен, как круг.
А с листвы Молоканского сада
Музыкальный доносится звук.

Или...
Ты добрый и душевно свой
Еще с молодых годков,
А за тобой, как за стеной,
Надёжно и легко.

Говорят, что стихи выливаются из стихии, бушующей в душе художника... Стихия, которая выражает себя в гармонии упорядоченных строчек, сохраняя при этом свою энергию, свой ритм, своё движение. И в итоге каждое стихотворение является нам «со своим особым богом, особой верой и особым уставом» (В.Хлебников).

На мой взгляд, с «засеянного поля» собран достойный урожай. Палитра Ноберта Евдаева, человека творческого, достаточно богата и разнообразна. Открытость, искренность его стихов, уверенность в непременной победе добра над злом, в торжестве истины

– это тот незыблемый поэтический фундамент, на котором так опасно раскачивается наша неустойчивая действительность.

Эти избранные стихи, как всё творчество Ноберта Евдаева, поэтическое ли, художническое, научное, как и его общественная деятельность, тесно связаны друг с другом... Поэтому при всём их различии тематическом, жанровом, стилистическим они естественно «читаются» как части единого целого, что многократно увеличивает творческий потенциал автора настоящего сборника.

Савелий Перец

СБОРНИК ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕЙ ДОРОГОЙ НЕЛЛИ

Подкралось время юбилеев –
Весна в осеннюю погоду.
Зелено-рыжие аллеи
Тебя влекут от года к году.

Не буду я рядиться в тогу,
Что были все пути прямые,
Ну и кривые, ей же Б-гу,
В душе остались золотые.

Твой юбилей – итог событий,
Итог свершений и отметин.
А сколько ждет меня открытий
В тебе и, безусловно, в детях!

Дарю тебе все посвященья,
Любовь и дружбу, и томленья,
И все волненья и горенья –
Боготворю за вдохновенье.

Нью-Йорк. Ноябрь 1993 г.

Ноберт Евдаев с супругой Нелли

БАКИНСКОЕ СЕРДЦЕ

ВЕРНИТЕ НАС ДОМОЙ В БАКУ

Верните нас домой в Баку,
В прозрачно-розовую давность,
В купальню, Шихову Косу,
Морской бульвар,
Новрузбайрамность.

Туда, где жили мы в ладу,
Где всюду дружеские руки,
Там в Губернаторском саду
Оркестра духового звуки.

Там круглый год тепло, весна,
Там нас встречал всегда приветно
Английский парк, где ель, сосна...
Росли мы с ними незаметно.

Пришла война, девятый вал,
Кубинка, голод, маскировки.
«Пятьсот веселый» прибывал,
Неся с фронтов беды осколки.

Курили «Приму», редко «Кент»,
«Свободу» слушали ночами,
А «Пятый» шел в Арменикенд,
Нафарширован ширмачами.

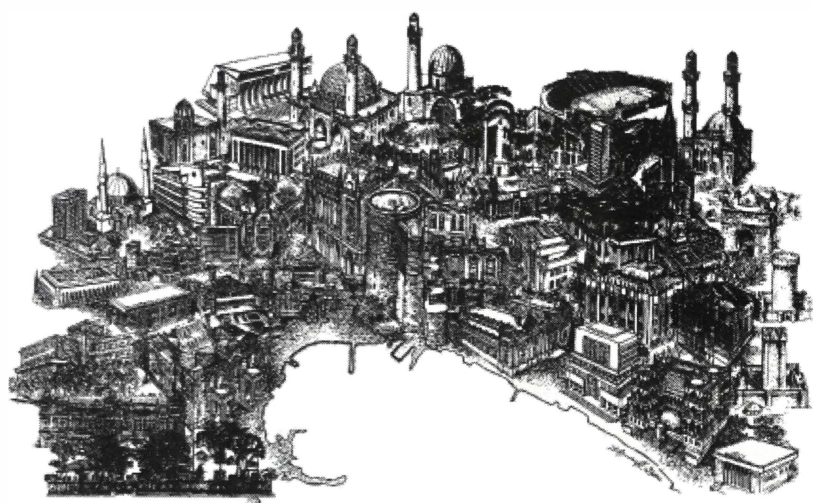
Баку – наш маленький Нью-Йорк
Всегда будил воображение,
От южных ярких звезд восторг
И в плоских крышах отражение.

Мы макинтоши в те года
Считали символом прогресса,
А для свиданий, как всегда,
Часы в стене АэСПээСа.

Чем дальше, тем моложе сны.
Судьба нас сильно разбросала.
Рыдал Будаговский базар
У Сабунчинского вокзала.

В Баку верните нас из строк
По призрачным ступеням трапа,
Туда, в загадочный Восток,
Туда, где приютился Запад.

Октябрь 1998 г.

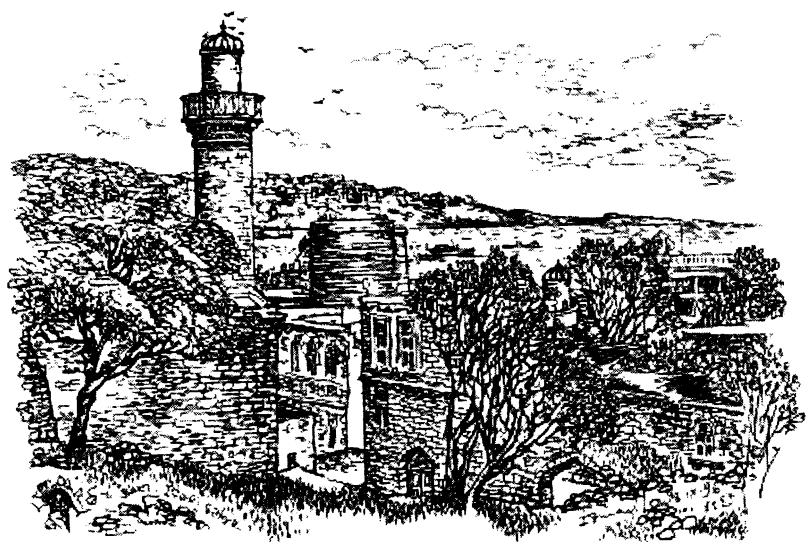
ЛЮБУЮСЬ ТОБОЮ

Мне много не надо,
Хоть ломоть чурека
И гроздь винограда
Из прошлого века.

Соленые брызги
Каспийского моря
И стоны, и визги,
И радость, и горе.

Здесь каждое слово
Звучало струною,
Как в детстве я снова
Любуюсь тобою.

Июнь 1995г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сегодня время тянет вспять
К бакинским берегам.
Как будто только двадцать пять,
И вновь родной мугам...

Коснулся берега душой
И шелеста листвы.
Цветут здесь ночи бирюзой,
И фонарей посты.

Шагаю по земле босым
Бульварной полосой –
До самой Шиховой косы
Дорогою косой.

И моря плеск, и вышек лес,
И звезды до одной.
Трамвай разжевывает рельс.
И стон его – родной.

Балкона острое плечо,
Знакомых окон брешь...
Судьбу там отмеряет счет
Щелчками шешу беш.

Сентябрь 2003 г.

ЗАГУЛЬБИНСКОЕ ДЕТСТВО

В мире самое жаркое место,
Здесь песок нестерпимо жжёт ноги.
Загульбинское яркое детство
В лагерях пионерских, убогих.

Муштровали нас шагом военным,
Где-то окриком, где-то построже,
А под солнцем жары откровенной,
Волдыри наполнялись под кожей.

Воздух с моря здесь пряный, восточный,
Здесь с собой соревнуются ветры,
В загульбинские темные ночи
Забавлялись войной до рассвета.

Туалеты для позы орлиной,
Умывальники дышат сосками,
А за патиной ночи недлинной,
Декорацией звезды мерцали.

Нас готовили с детства в вассалы:
Мы салют отдавали портрету.
Пионерские песни – кристаллы,
Соловьи загульбинского лета.

Рядом скалы рисуют коллажи,
Окаймляя красивым узором.
Загульбинские жаркие пляжи,
Рядом с важным высоким забором.

Кто куда разлетелись навеки –
Мы ведь гнезд поколений транжиры.
Загульбинских творений чуреки
Заедали мы сочным инжиром.

Если б вдруг в волшебство я поверил,
И года отсчитались бы сами,
Загульбинские детские двери
Я открыл бы своими руками.

Загульба, 25 июля 2001 г.

РЕНЕССАНС

Не слепили нас рампы огни.
Без афиш и напыщенных фраз
В те бакинские сладкие дни
Жил на сцене наш собственный джаз.

Знали клички, забыв имена,
И лабали душою, без нот.
Танцевальных площадок шпана
Приносила нам скромный доход.

Под влиянием западных мод
Брюки просто сужали «на нет».
От бакинских соленых острот
Громыхал пожилой «Парапет».

Башли тратили в кире, в гульбе,
От лабанья впадали мы в транс,
Обретали загар в Загульбе.
Разгорался в Баку ренессанс...

Июль 1999 г.

БАКИНСКИЙ ВОКЗАЛ

Здравствуй, старый Бакинский вокзал,
Здравствуй, знойное жаркое лето.
Я, конечно, тебя не узнал:
Изменился за время за это.

Здесь цветами встречали гостей,
Наслаждались перронною негой,
Обнимались до хруста костей
Под дождем и в жару, и под снегом.

В город детства доставил экспресс,
Проносьясь сквозь года лихолетий
В закоулки дворовых чудес,
В детский уличный звон междометий.

Расскажи мне, порывистый Норд,
Как в согласии жили мы вместе,
И из окон мажорный аккорд
Разливался раскатистой песней.

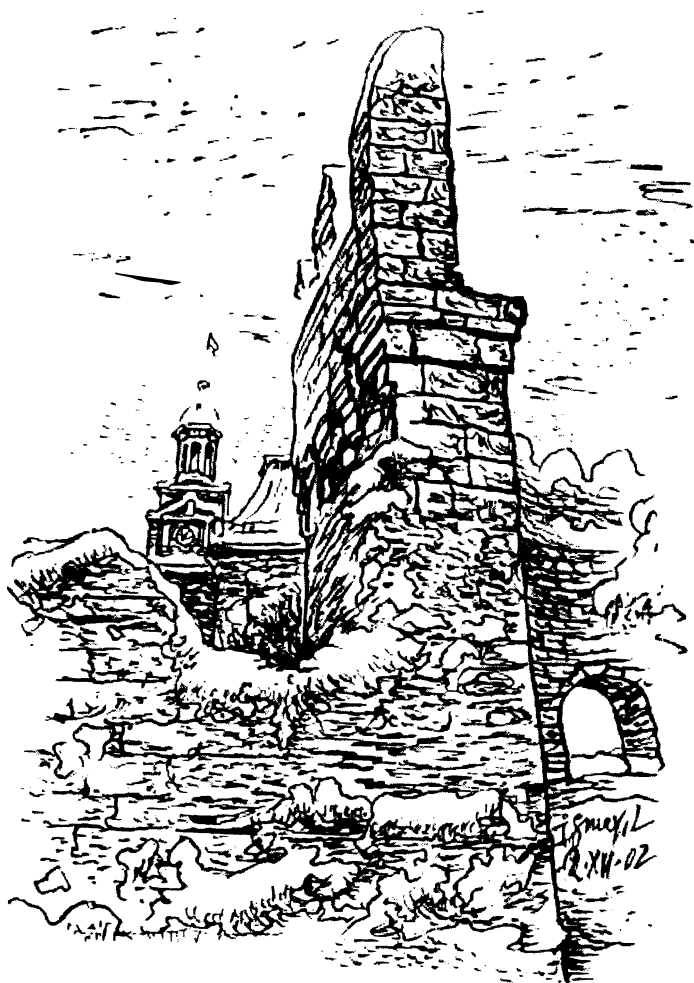
Здесь моя зарождалась судьба
В недрах стен известкового камня.
Помню, вяло тащилась арба
В дебрях счастья любви и страдания.

Парусиновой обуви треск
И «апаша» распахнутый ворот
Подавил лимузиновый блеск
И гламурно сияющий город.

Громких чаек крикливый напев.
Старый берег украшен причалом.
Я, на край его тихо присев,
Зацелован был бьющимся валом.

И услышал укор плоских крыш,
Что живу километров за тыщу,
Где у сердца досадная тишь...
Нет, не предал тебя я, дружище!

Баку. 2008 г.

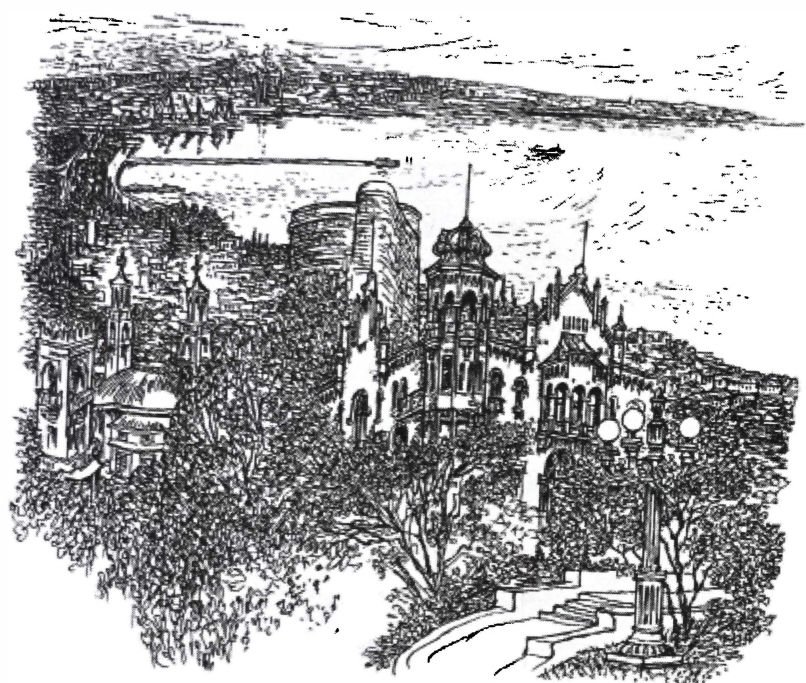
КАСПИЙ

Родились мы на юге, у Каспия,
Где изматывал медленный зной,
Где у Нордов большое пристрастие
Завывать, нарушая покой.

Все равно в перерывах бессонницы
Я, во сне перейдя горизонт,
Напрягаю все мускулы вольности,
Чтоб оставить Нью-Йорк и Вермонт.

Подгоняют нас время и скорости.
Я еще на другой стороне,
Но душа ностальгически просится,
Чтобы Каспий увидеть во сне.

Февраль 1998 г.

ВДАЛИ Я СЛЫШУ КАСПИЯ РЫДАНИЕ

Вдали я слышу Каспия рыдание
И редкий с судна бархатный гудок.
У каждой ночи с днем свои прощания,
У моря с небом свой любовный рок.

Там скрыт девятый вал сердцебиения,
Там мгла безумия звучит «на ты».
Из глубины ночи рождалось вождение –
Я губы целовал томящей темноты.

Баку, 2008 г.

ШЕСТАЯ ШКОЛА

Жизнь подростков не простая –
Нрав горяч, бесстрашен, светел.
Школа ты моя шестая,
Школа лучшая на свете.

Ты внедрить пыталась знания
В неоформленное темя.
Груз домашнего задания,
Отнимал златое время.

А курения пороки,
Стекля битые рогаткой,
Развлекали вне уроков,
И казалась жизнь гладкой.

Проникавший звук мугама
Из открытых окон школы
Отвлекал нас от программы,
В знаниях делая проколы.

Время голода, лишений –
До конца войны два года.
Безразмерные шинели
На солдатах из народа.

Мы, бедовые мальчишки,
Раздвигая горизонты,
В бедных, стеганых пальтишках
Тоже бегали на фронты.

Государство лучше знало,
Как готовить нас в солдаты –
Нас за парту возвращало
Силой, в школьные пенаты.

«Хуже нету» – математик:
Не решить мне все задачи.
Я не в теме, я романтик –
Бил баклуши не иначе.

За полночь уходят стрелки,
Мчится время, «нету спору»,
Не заключишь с школой сделки,
Будешь точно – под забором.

Баку. 1950 г.

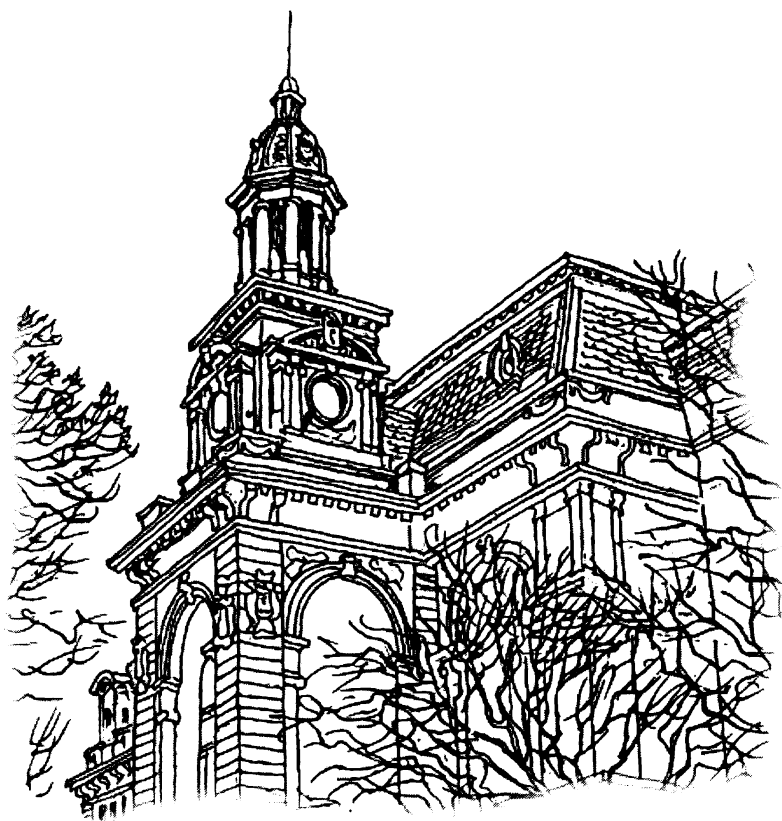
Я ЛЮБЛЮ ЭТУ ЗЕМЛЮ

Я люблю эту землю,
Каждый камень здесь свой.
Ветер стебли колеблет,
Пронсясь надо мной.

Здесь не балуют травы,
Лишь багульник в степи.
И суровые нравы
Предков мне дороги.

Край, воспетый мугамом,
Виноградной лозой,
Ты явился мне храмом,
Засиял бирюзой.

Февраль 2003 г.

МОЙ БАКУ

Норд бакинский шлифует асфальт,
Проявляя забытые лица.
Снится мне филармонии альт,
И подкова залива мне снится.

На бульваре пустует скамья,
Под тенистым укрывшись платаном.
Сны давно будоражат меня
И тревожат меня беспрестанно.

У Нагорного парка огни
Зажигают вечерние свечи.
Я мечтаю и годы, и дни
Полететь к тебе, город, навстречу.

Норд бакинский колюч и горяч –
Выедает морщины на лицах,
А во сне прорывается плач –
Я живу все еще за границей.

Баку. Декабрь 2002 г.

ПЯТИДЕСЯТЫЕ

Мусаеву

О прошлом не слабеет память.
Годов не сбавить, не прибавить.
Еще есть шанс пройтись по детству:
На то испытанное средство –
Обнять без слов за плечи друга,
По детскому промчаться кругу
Бакинских дней пятидесятых.
Еще войны там смрад проклятый,
А общий фон – одежды блёклой,
Полоской слеplенные стёкла,
Очередей там образ вечен,
Химическим карандашом отмечен.
И хлеб по карточкам-восьмушкам,
Саккыз у сморщенных старушек.
Давились с голоду до рыга,
Спасала каша-мамалыга.
Бидон с запасом керосина
Для примусов невыносимых.
А керосинки с фитилями
Горели острыми огнями.
В уборных едкий запах хлорки,
Желудки ныли от касторки.
И в бане тухлый запах Таро.
Блатные пели под гитару.

И мусор в ящиках без крышек
Шуршал от крыс и мелких мышек.
Ватаги мух на липких лентах –
Шедевр всех экспериментов.
Убогость темных подворотен,
Достойных Рабина полотен.
Распухший пах от игр в лямки,
И самокаты с кличкой «санки».
Мячи футбольные из тряпки,
Дворовые утехы «в прятки».
Бежали «на шатал» из школы
На бесконечные просторы.
Трамвай, как жук, обросший жиром,
Наполнен тощим пассажиром.
У многих лацканы в наградах.
Приемники еще на складах,
А в «особторге» изобилие.
Трофейного кино засилье,
Нохуд в кульках соленый с пивом
С янтарно-бархатным отливом.
Мы жили полные надежды
В перелицованной одежде...
Но все равно места родные
Остались вечно молодые.

2008 г.

ДОВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Апшерона принцессы и принцы,
Не забыть мне цветенье акаций.
Каждый знает, что всюду бакинцы
Называются с гордостью – нация.

Парашютная вышка над нами,
Как гигант, возродившись из недр.
Мейхана наполняла стихами,
Хвойным запахом – стройный кедр.

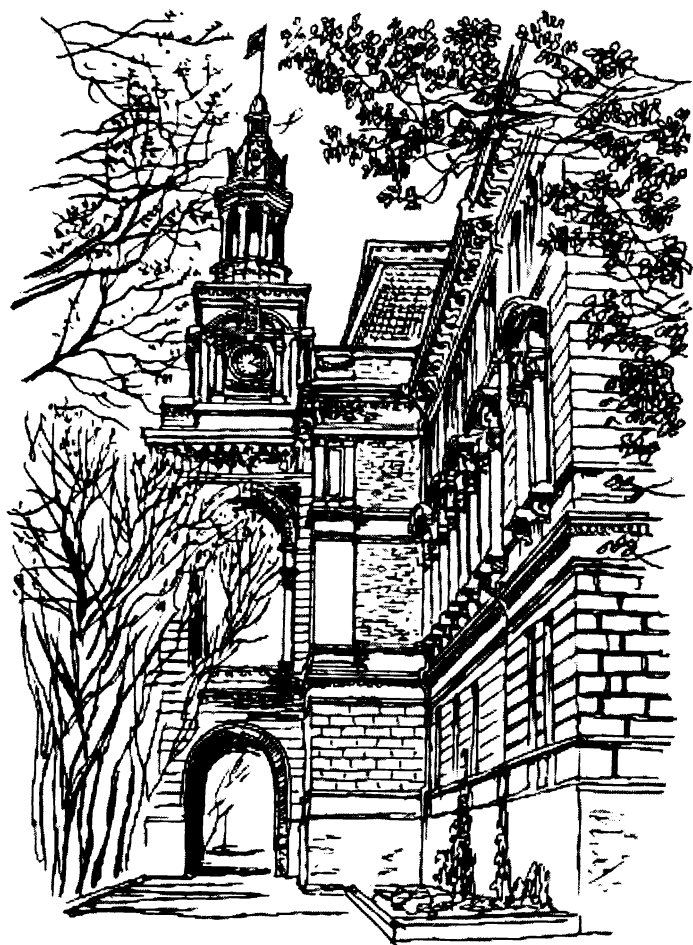
Респектабельный парк «Ротэ Фанэ»
Был окутан маевочным флером,
А немой в черно-белом экране
Танцевал под бренчанье тапера.

Фикус, слоники грубой поделки –
Признак сытости, благополучия.
Репродукторов черных тарелки
Доносили нам звуки хрипучие.

Море в штиле, как шелк в будуаре,
И моряна не дует без дела.
Олеандры цветут на бульваре,
Осы льнут к лепесткам запотелым.

Среди звуков прибрежного шума,
Альбатрос там вещал незабвенно.
Тот, кто голову ел от кутума,
Возвратится в Баку непременно.

Март 2003 г.

АЛТАЙЧИК

Вот промчались галопом годочки,
Не устроить ли тихий привальчик
В глубине моих искренних строчек,
Дорогой мой дружок Алтайчик?

Вопреки нашим двум географиям,
Приземлимся с тобой на диванчик
И откроем альбом фотографий,
Где всегда ты с улыбкой, Алтайчик.

А однажды мы солнечным утром
Сядем в красный бакинский трамвайчик.
Он помчит нас по рельсам разутым
Через годы и горы, Алтайчик.

Повезет нас, скрипя тормозами,
В старый город, в знакомый духанчик,
Клады памяти, скрытые нами,
Раскопаем с тобою, Алтайчик.

И в пылу молодого задора
Мы с тобой опрокинем стаканчик
За хранителей-ангелов взоры,
За тебя, мой дружище Алтайчик!

Июль 1998 г.

ЛЬВОВИАНА

ДОКТОР

Дом обычный, их в городе много,
Тот, у сада угла Хагани.
На двери надпись краткого слога:
«Если хочешь зайти – позвони».

В то далекое сложное время
Там всегда дружелюбна рука.
По веревочной блокосистеме
Открывалась защёлка замка.

Детский жар и с железкой припухлой,
Ножкой след на ступеньках протёрт,
Покрывало серебряной бухты
Не погасит ребячий костёр.

Доктор Лев! И достаточно взгляда,
Чтоб диагноз был точен, как круг.
А с листвы Молоканского сада
Музыкальный доносится звук.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Гость в том доме в огромном почете.
Там завалы прочитанных книг,
Там любому воздали по ноте,
Там с любым сочиняется стих.

Тут друзья, тут друг друга не слышно
Допоздна. Уже пряная ночь.
Даже Норд, прописавшись на крыше,
Не ворчит и не гонит нас прочь.

И не знали ни злобы, ни мести,
Пили всласть «Гюняшли» и «Агдам».
Водосточные трубы из жести
Напевали нам сладкий мугам.

САША ЛЕВ

Там родился взлохмаченный львенок
В те далекие сладкие дни,
Обладатель присыпок, пеленок,
Против сада угла Хагани.

Повзрослев, он прослушивал Запад
Сквозь помехи короткой волны,
И направились стопы по трапу
В ту страну, где сбываются сны.

На углу Сто восьмой – той, что в Квинсе,
Созревает знакомый хартут,
Шелковицы знакомые листья
Пахнут, словно мы снова в Баку.

ЛЕНА ЛЕВ

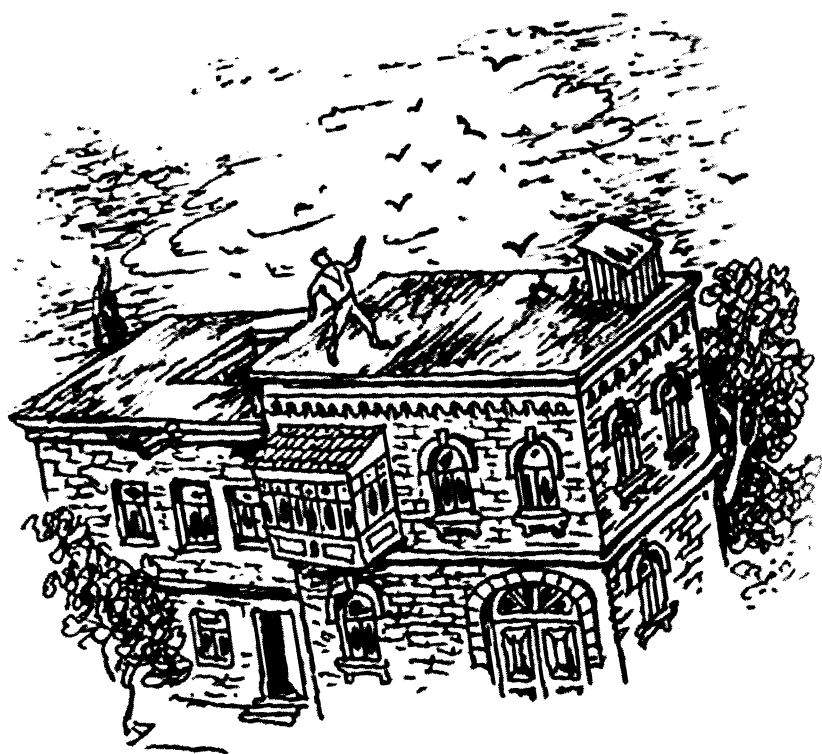
Дитя Азерконсеватории,
Струна бакинской звонкой ноты.
То не забвение истории,
А грань красивых поворотов.

Меня не сбить с моих открытий,
А истину не выбить пулей:
Баку тобой был колоритен,
Теперь тобой известен Джульярд.

Ты вся в лучистых побужденьях,
Где светят радостные краски.
Ты суть добрейших окружений,
Ты платишь им любовью, лаской.

С тобою искренность кристалла,
Любовь, как жар от финских саун,
Другой по жизни ты не стала,
Тобой жил Квинс и весь Нью-Таун.

1996 – 2000 гг.

Я ЖАЖДУ УТОЛЯЛ ШОЛЛАРСКОЙ...

Я жажду утолял шолларской
Водой из крана, из ладошки.
В Баку, на улице Буйнакской,
Трамвая звук давил истошный.

Гонял я голубей на крыше,
Себя в полете представляя,
Взбираясь к облакам повыше,
Чтобы коснуться неба края.

Когда потоком ветер гретый
Свалил меня на берег силой,
Волна, даря аплодисменты,
Встречала ласково, игриво.

Теперь я у руля швертбота,
С моим привычным алгоритмом
Я парус доверяю гроту
Вести в морской простор открытый.

Нью-Йорк. 1989 г.

ПАМЯТЬ

Это из далекой были
На венце моей планеты,
В памяти, под слоем пыли
Фиолетового лета.

В дымке Каспий сединою
Омывает голый берег,
Норд таится за горою,
Не познав еще Америк.

Там и радости, и стоны
Издает струна ашуга,
Разноцветные балконы
Там влюбляются друг в друга.

Дом родительский знакомый:
На стене ковер старинный,
Под клеенкой стол кондовый,
И подсвечник в стеарине.

А в углу казан лужёный,
Чайник вздулся от кипенья,
Махмари и сахар жженный,
И айвовое варенье.

Копоть старой керосинки
И прием гостей радушный.
Шерсть рука трясет тростинкой,
Рассекая воздух душный.

Помню детские пороки,
Уличных затей болото,
Горечи отцовской порки
И голодных дней заботы.

Память – мечется как стая,
Отстает в полете млечном,
Тихо, медленно, как тают
Непогашенные свечи.

Ноябрь 2004 г.

ИЧЕРИ ШЕХЕР¹

Нет нам места роднее
Апшеронской косы.
Страж наш, добрая фея –
Башня Гыз Галасы².

Из Баку мы, с Востока,
Городского ядра,
Без беды и порока
Не рождалось добра.

Век ножа и кастета,
Густота темноты.
Там писалось либретто
«Справедливым» Лоты³.

Восторгались героем,
Отсидевшим уж срок:
Гызылдыш⁴ для настроя,
На бровях козырек.

¹ Ичери Шехер – город-крепость внутри Баку. Там жила большая часть блатной публики.

² Гыз Галасы – Девичья башня, откуда, по преданию, бросилась девушка из-за несчастной любви.

³ Лоты – человек из воровского мира, который пользовался уважением (вор в законе).

⁴ Гызылдыш – золотая коронка на здоровом переднем зубе. Знак принадлежности к криминальной элите.

Гумарбасская⁵ нега,
Под коленками «Джай»⁶,
Дубянди⁷ для побега
Либо в ад, либо в рай.

А мастырка⁸ в ладони
Для согрева души.
Сердце сладостно стонет
В облаках анаши.

Клялся он «Эт Агою»⁹,
Чтил он кровную месть
И гордился тюрьмою –
Либо жизнь, либо честь.

Дом был – двор, мостовая,
Тускло светит фонарь.
Крепость – мама родная,
Ичери мой Шехер.

Февраль 2003 г.

⁵ Гумарбас – игрок в азартные игры.

⁶ Джай – азартная игра в кости; играют, сидя на корточках.

⁷ Дубянди – очень лёгкие закрытые черные туфли, удобные для бега. Делались на заказ.

⁸ Мастырка – табачная скрутка с добавлением анаши.

⁹ Эт Ага – дословный перевод «мясной человек». Этот человек «без костей» жил в Крепости. Его считали святым, ему поклонялись и клялись им.

ПОЭТУ РАШБИЛУ ШАМАЮ

Куда волной прибьет мелодию поэта,
Кого стрелой пронзит он, словом из строфы?
Есть детства райский край, что родила планета
Заброшенных лесов – мальчишечьей тропы.

Он влился в эту даль, как в млечный путь астролог,
И в аромата чай в подножье Бешбармак.
Направо поворот – и через мост поселок,
Источник музы там, немеркнувший очаг.

Он в облака вознес воспоминанья детства,
Кудиал-чая пенье Красной слободе,
И синь далеких зорь, их свет, луны кокетство
И отраженье гор в серебряной воде.

Он рифмой упоен и сыт тандырным хлебом.
И словом славит дом, где пляшет детвора,
Где кеманча звучит, и тар уносит в небо,
И за собой ведет гудящий нагара.

Его острейший взор оставил на примете
И праздник бытия, и быта суету,
Продвинулся в века на расстояние света
К древнейшим мудрецам и времени костру.

Он преподавал урок истории стихами,
Традиции воспел и вечность доброты.
Он среди нас как страж, он остается с нами!
А мы – всегда – доверия посты.

Нью-Йорк. Сентябрь 2005 г.

ЕГО ДУХ В ОТРАЖЕНИИ ДНЯ...

Памяти поэта Яши Сионовича Машияхова

Вот нарушен и мир, и покой,
Прорвало пелену атмосферы,
Все бушует: и буря, и зной,
Тучи цветом окрасились серым.

Сильный ветер, оставивший след,
Горько выдал известие людям,
Что скончался мудрец и поэт,
Летописец и жизнью и судеб.

А обычно веселый Шахдаг,
Загрустив под чадрую тумана,
В небо выбросил траурный стяг
Из своей кровоточащей раны.

Эту весть, сохранив речи дар,
Кудиал разносил в своем русле
По долинам, до моря Хазар,
Где волна захлебнулась от грусти.

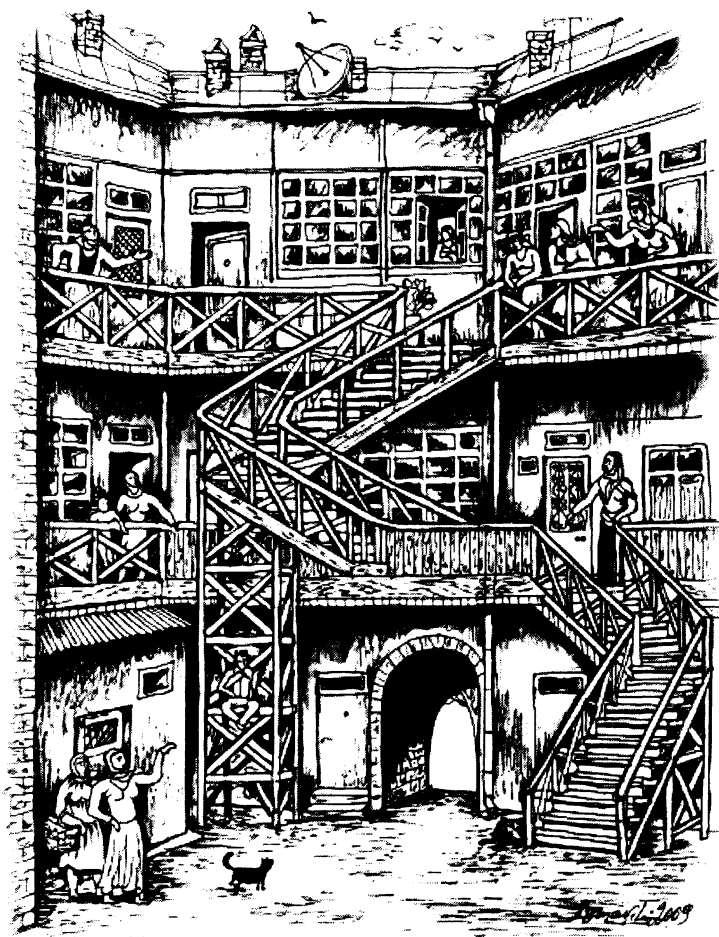
Прокричала она слово «Ной»
Быстрым птицам, покинувшим гнезда,
И луна потеряла покой,
Повторив это солнцу и звездам.

Так ушел с чистым сердцем поэт.
Он оставил нам вечные грезы.
От земли только слышится: «Нет!
Не сдержать наши горькие слезы».

А прозрачный родник, забурлив,
Нежно названный кем-то «фиалкой»,
Произнес: «Он не умер, он жив,
Он во мне, он в сиянии ярком.

Его дух в свете ночи и дня,
На поверхности рек, океанов.
Будет вечно блистать, как и я,
Пробиваясь сквозь тени платанов».

*Авторизованный перевод
с горско-еврейского языка
стихотворения Рашибила Бен Шамая*

НОВЕЛЛА

Дитя бакинского рассвета,
Оконных глаз, изящных улиц,
Жужжала в круге «Парапета»
Переполняя детский улей.

И незаметно прямо в девы...
Красавицы сверкают очи –
Мугама сочные напевы
Ласкали Вас и дни и ночи.

Вы были музой вдохновенья
Бакинской золотой элиты,
Любовь до умопомраченья
Валила с ног красавцев сытых.

Ваш лик в портретные полотна
Ложился кистью четко, внятно,
Новелла на устах бомонда
Произносилась элегантно.

Москва. 25 ноября 2002 г.

О, МИЛЫЙ, О, СЛАВНЫЙ БАКУ!

О, милый, о, славный Баку!
Ты вновь разместился в мечтах.
Тебя помещаю в строку
На свой ностальгический страх.

Мерцанья в твоих фонарях,
Как отблеск у девичьих глаз.
Ты в ясных и солнечных днях,
Являлся принцессой не раз.

Сквозь время шагают года,
В аллеях бульваров твоих.
Закат покрывает чадра,
Твой лик и лирический стих.

Февраль 2010г.

ДАЙ ОБЛАСКАТЬ ТЕБЯ, МОЙ ГОРОД

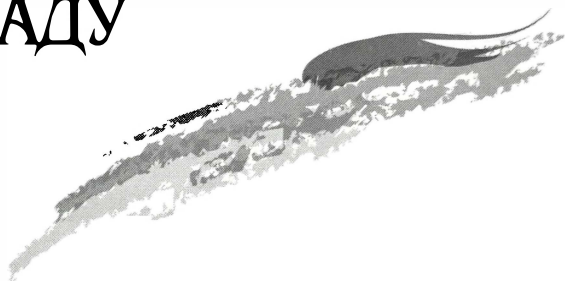
Дай обласкать тебя, мой город,
Облик любимый в рассвет косматый.
Сон холодящий бежит за ворот,
Улиц звуки ловлю – сонату.

По переулкам брожу молчаливо,
Лихо сгоняю плачевные муки.
Ликом твоим семицветным, красивым
Ты растворяешь холодную скуку.

Вместе с тобой закристалить бы море,
Грусть луны затянуть бы вуалью.
Я без тебя – пребываю в миноре,
Я без тебя – томлюсь печалью.

2008 г.

СО ВРЕМЕНЕМ В ЛАДУ

НАУКИ ПИК

Академику Илье Урилову

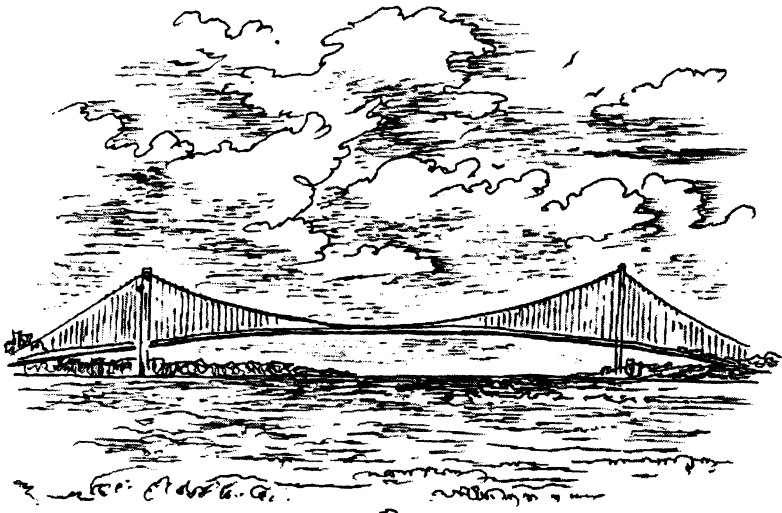
Остры младенческие взоры.
Илья, росточком был с аршин,
Уже познал дорогу в горы
И суть чарующих вершин.

Кавказ ему дарил скрижали
И вдохновенья эха крик.
Он шел с талантом, с прилежаньем,
И одолел науки пик.

Наука – это труд и копать
На плахе множества потерь,
Прижатый к рукописям локоть
И неожиданностей зверь.

Не всем дано постичь науку
И даже прикоснуться к ней.
Ему даны талант и руки,
И обожание друзей.

8 июля 2008 г.

28 May 1969 - N.Y. 08/12/69 - VERRAZANO NARROWS BRIDGE

МЕЖ НАМИ МОСТ...

Меж нами мост – как будто прост,
Из бреда выстроены планы.
Сезон, поджавший жалкий хвост,
Бежит, залечивая раны.

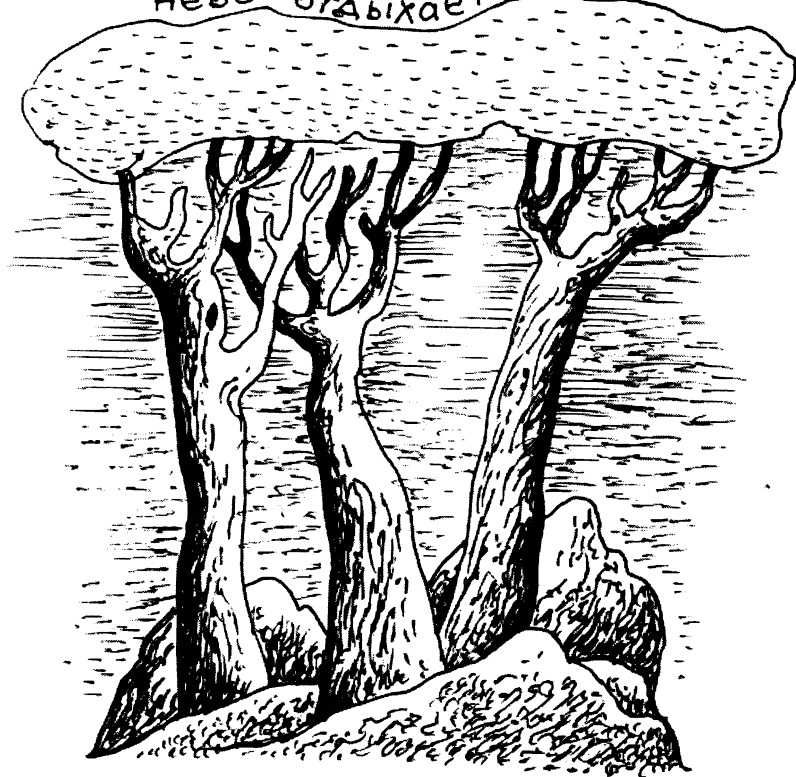
На юге птицам брошен клич,
Восходы вдруг оторопели,
Листву готовится подстричь
Холодный ветерок осенний.

Но не успел еще остыть
Былого лета бал прощальный,
А нам все плыть, и плыть, и плыть
В сценарий вписанный, отчаянный.

И не всегда прозрачен путь
Нам в ожидании Мессии.
Преград простуженная муть,
А с ней озябшая Россия.

Москва, 2001 г.

небо отдыхает здесь

ГДЕ ОТДЫХАЕТ НЕБО

Где отдыхает небо?
На острогрудых соснах.
Знаю, никто там не был
И не мечтает вовсе.

С ним отдыхает правда,
Строго потупив взоры.
Может быть, неповадно
Прятаться ей за горы?

Там тишина свободно
Дышит легко ноздрями.
Мягкие гнезда свили
Ласточки с голубями.

Яркой там светлой бездной
Видится мир бескрайний.
Нужно прожить с надеждой,
Чтобы раскрылись тайны.

Нью-Йорк, 2001 г.

ПОДНИМУ ТЕБЯ РЕСНИЦЕЙ СО СНА

Подниму тебя ресницей со сна –
Улыбнёшься ты ясно в ответ,
А Чюрлёниса дива-сосна
Нам поможет пробиться в рассвет.

Мы «на Вы» поменяем «на Ты»,
Мы условности пе-ре-живем,
Мы забросим в Лету зонты,
Поцелуй свершим под дождем.

Нью-Йорк. Март 2003 г.

СЛАДКАЯ МУЗА

Кире Гузиковой

Я хотел рисовать тебя прозой,
Но у прозы несладкая муза,
А я вижу: душа твоя – роза,
Чуть прикрытая тонкою блузой.

В танце крыльями плещутся руки
В свете раппы и люстры сиянии,
Как же нежно поэзии строки
Говорят о твоём обаянии.

Ты – создание муз и искусства,
Свет, родившийся в солнечном мире.
Как бы было лилово и пусто,
Если б не было имени Кира.

Март 2000 г.

МАНАШИРУ ЯКУБОВУ

В твой юбилей наш милый Манашир,
Тебя мы любим ввысь и вкось и вширь.
За душу дагестанских горских нег,
За легкость мыслей, как осенний снег,
За фуги Шостаковича тома,
Апофеоза зрелости пора,
За мудрое признание общин,
За легкое мерцание морщин,
За выжиманье меломанам сок,
За обработанные мысли впрок,
Гримасничанье оппонентских рож,
За поголовный их большой падеж,
За торжество рождаемых идей,
За торжество негаснущих страстей,
За то, чтоб не сбивался слог.
Твори, дерзай – поможет тебе Б-г!

Апрель 2006 г.

РЕСТОРАН «РУССКИЙ САМОВАР»

Вот опять мы в гостях у Романа,
Волей Б-га нам выданы шансы:
Развалившись на красных диванах,
Тонем в грусти старинных романсов.

Здесь скрываются Бродского тени,
И Барышников танец шлифует.
Здесь сияют крутые колени
Русских барышень, и поцелуи...

Самовары, богемные пары
И рояльные звуки глухие...
Мы сегодня – и млады, и стары –
Пребываем в стране Ностальгии.

1999 г.

СЕГОДНЯ Я – КОРОЛЬ

Куда-то просто так
Бегут косые стрелки.
Их торопливый такт
Нас адресует в век,

Но несомненный факт –
Они судьбы проделки.
У нас прямой контракт
На звание – Человек.

Мы обострили слух,
Когда нам пела юность,
Но это только звук,
И, мысли господин,

С годами нам пастух
Пригнал мечту и мудрость,
И закаленный дух,
А не подсчет седин.

Так вот в чем жизни соль –
В кипенье поколений.
Нас поедает моль,
Когда мы не в строю.

Мы превозможем боль
От черных лет гонений,
Сегодня я – король
И песнь пою – мою.

Ноябрь 1999 г.

ДРУЖЕСКИЙ ВЕТЕР

Евгению Попову

Та ночь была слегка тревожной.
Окно живьем срывало с петель,
С каким-то придыханьем сложным
Вещал в стекло мне громко ветер:

«...С Лагуны друга я посланник.
Я с Бланки, – голос мне признался, –
Вы думали, залетный странник?
Откройте мне окно, пожалуйста.

Прошу послушать со вниманьем:
Ваш друг привет вам шлет от сердца.
Чуть не напутал по незнанию –
Хотел ворваться по соседству».

Впустил, стопец ему поставил
И тоже передал послание.
И в нем напомнил, как без правил
Велось грузинское вливание.

Он был там гостем, а я – сбоку.
Валило с ног нас цинандали.
Не знали времени и срока,
Хоть впору заглянуть в скрижали.

Вино – причина, я не скрою,
Связало наши души крепко.
Теперь заросшею тропою
Мы ходим к камням наших предков.

С запасом водки за щекою
Мой ветер улетел в фрамугу.
Я буду ждать его, не скрою.
Когда ж вернется он от друга?

Сентябрь 2003 г.

NEW YORK CITY St. Patrick's Cathedral

СКАЖИ, НЬЮ-ЙОРК

Предо мною пустая тетрадь,
Нет расставленных знаков и точек,
Слез истекших озерная гладь
Вдруг покрыла её между строчек.

Расскажи мне, Нью-Йорк, про напасть,
Как под солнцем осенним, шадящим
Вдруг разверзлась могильная пасть,
Поглотив в себе колосс горящий.

Тело колосса – зодчества храм
Из ума, интеллекта и сплавов
Вдруг исчез, превратившись в туман,
Вдруг исчез по сигналу вандалов.

Разных возрастов, старший и млад,
Крематорием разом охвачен.
Сон ли это иль истинный ад
Дьявол в радостях, дьявол хохочет.

Души – жертвы случившихся бед
Вознеслись к ожидавшему раю
Вслед кружился им пепельный след,
Шлейф печали земле оставляя.

И раздавшийся стон матерей
Слился сплавом с душою погибших.
Взвыло облако бурных страстей,
Взвыло громко, чтоб слышал Всевышний.

И спросило: «О Боже, за что?
Где трагедии скрыты причины?
Где найдут эти жертвы покой,
Почему в небоскребах руинных?

Вся вселенная в серых тонах.
Кто судьбу нам такую наметил?
Кто назначил нам горе и страх
И швырнул горшениями нам пепел?

Безмятежно мы жили в раю,
Поколению строили царство,
А с врагами встречались в бою,
Дрались честно, не зная коварства».

Нелюдь зла, вместо крови – вода,
Вместо сердца – нетесаный камень,
А под маской таится вражда,
А из уст извергается пламя!

Если жертвы душа горяча,
И добавить возмездия, грома,
Вмиг растает вандалов свеча,
Будет им приговором суровым.

Мамы, сестра, отбросьте печаль!
Папы, братья, мужайтесь, бодритесь!
Вы в стране, где открытая даль,
Разных рас, категорий – обитель.

Славься духом, святая страна.
Память жертв навсегда незабвенна.
Начеку для спокойного сна,
Миру сеять добро неизменна.

*Авторизированный перевод
с горско-еврейского языка
стихотворения Раибила Шамаева*

ШЕСТНАДЦАТИЛЕТИЕ

Моей внучке Наташе

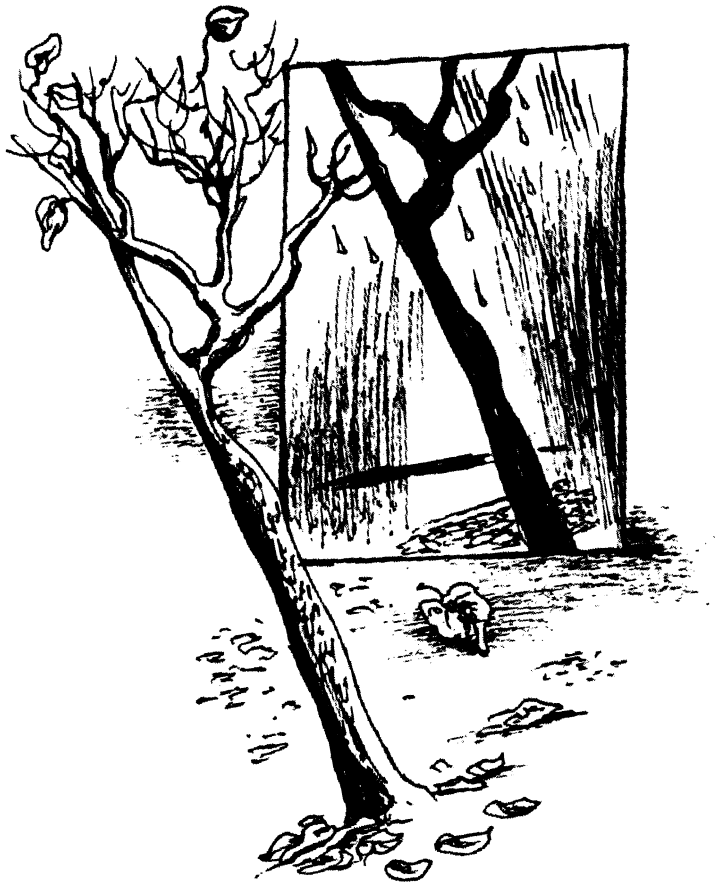
Небо сегодня такое кокетливое!
Сходит на землю торжественный год.
Маски, загадочные и приветливые,
Роем вплетаются в хоровод.

Шестнадцатилетие – дело особое:
Красочно-яркий гудящий зал –
Все непривычно и все незнакомое –
Первый значительный карнавал.

Забил барабан, заиграли трубы,
Ловкий лидер веселья – ди-джей.
Вижу, как рдеют девичьи губы
От взглядов мальчишечьих – острых ножей.

Вечер – клоун, воздух смеется,
Свет газонных ресниц фонарей.
Клятвенно сердце душе признается:
Лучший из лучших праздничных дней.

Сентябрь 2000 г.

УЖЕ ОСТЫЛА ОСЕНЬ

Уже остыла Осень,
День маленького роста.
Носы озябших сосен,
Уперлись в небо остро,

А отблески восхода,
Вжились глубокой тенью.
Здесь в зеркале природы
Контрасты канителей.

И не жалеют птицы,
Покинуть свои гнезда:
Им не страшны границы,
Им путь укажут звезды.

Сентябрь 2000 г.

ВЫ СЕГОДНЯ У НАС КОРОЛЕВА

Зелинской-Платэ

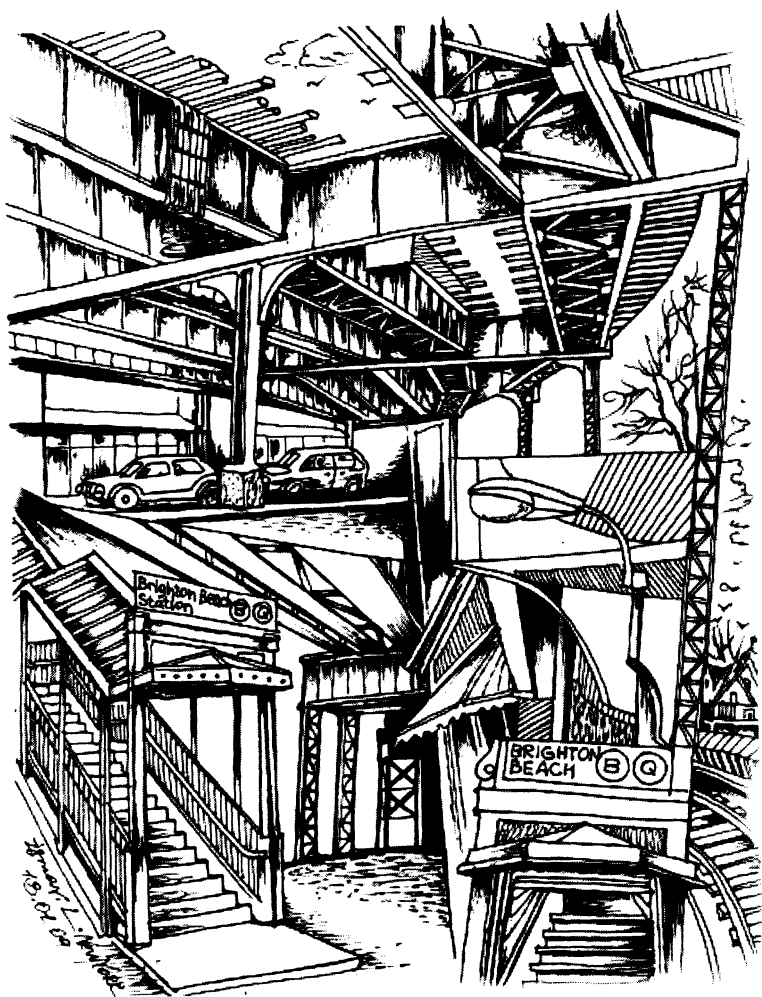
Вы сегодня у нас королева.
В зале слышится верхнее «ля».
Вы – основа красивого древа,
В этом древе – мой друг Никола.

Ваши милые вазы и розы,
И портреты, что смотрят со стен,
Растопили седые морозы
И отбросили грустную тень.

Мы целуем искусные руки
В юбилейный сверкающий день.
Ваши радости – творчества муки
И палитр артистический плен.

Ваша студия – Ваша обитель,
В Вашу честь в небе звезды зажглись.
Вы в искусстве боец-победитель,
А оружие – твердая кисть.

25 октября 2000 г.

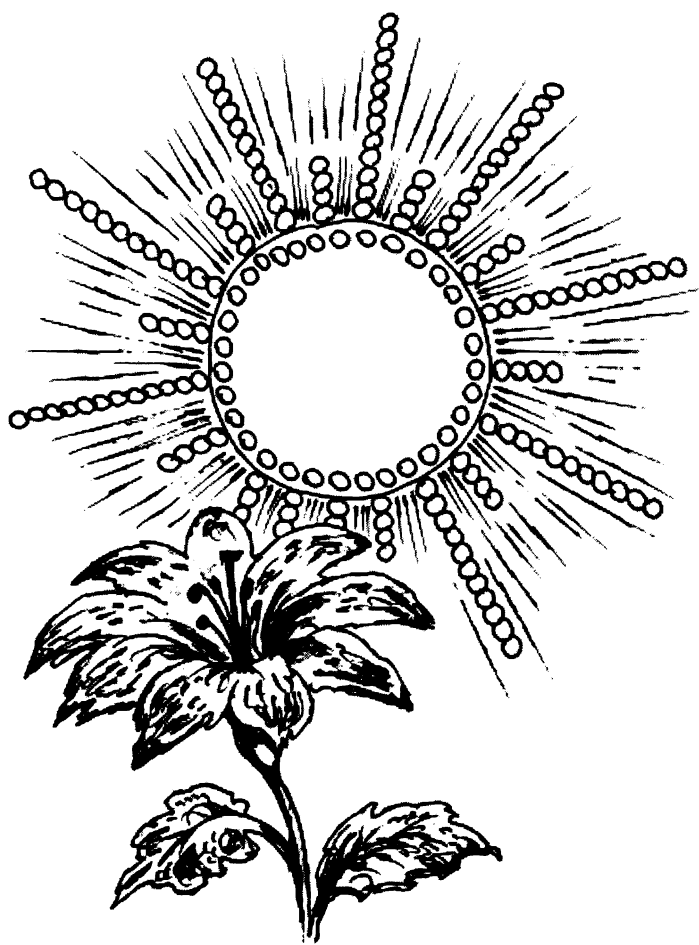
В ШАШЛЫЧНОЙ НА БРАЙТОНЕ

«В каждой луже запах океана»,
Как однажды сочинил поэт.
Мы в плену душистого духана,
Закавказья солнечного свет.

За окном течет немолчный Брайтон,
Лязг вагонов, глупых чаек гул.
Каждый камень дышит эмигрантом,
Здесь веселье, праздник и загул.

Не одну бутылку раздавили,
Бруклин с нами, с нами весь «бордвок».
Где бы только вкусно ни кормили –
Все равно мы смотрим на восток.

Июнь 2001 г.

ЦВЕТОК ЛЮБВИ

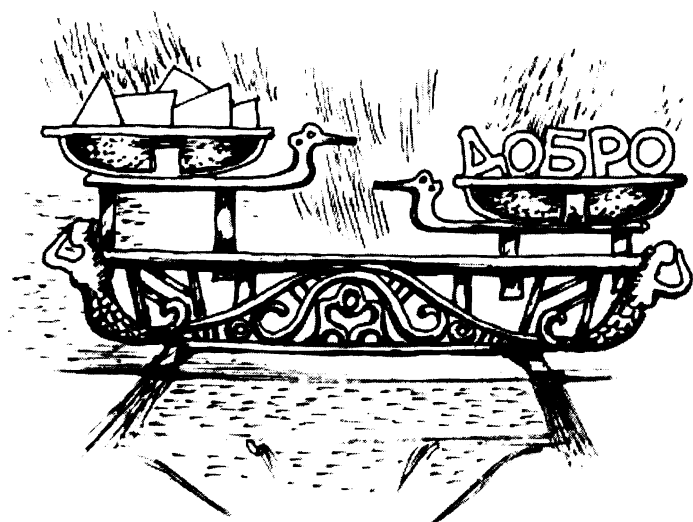
Когда Господь растит цветы,
Он с горсти рассыпает семя.
Ростком там появилась ты,
С тобою связанное время.

А самый яркий из цветов
Родился на твоём подворье,
Бутон красив, из тех сортов,
Что из породистых сословий.

А распутившийся цветок –
Любовью взращенные всходы.
А был ведь маленький росток,
О, чудо матери-природы!

Доносит на семи ветрах
Мне аромат цветочной пыли.
Играет солнце в жемчугах
Любви неугасимой были.

Москва, 1987 г.

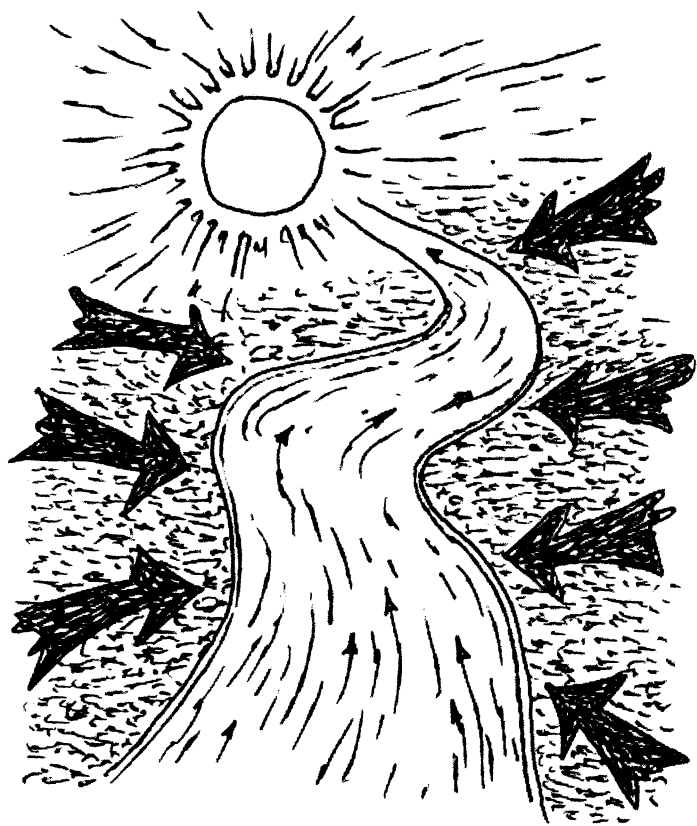
ПРИЧАЛИЛ ЖИЗНЕННЫЙ ПАРОМ

Пришла суровая пора –
Экзамен по деяний тыщам.
Куда запишет суд пером?
Воздаст по делу либо взыщет?

Доволен будет или нет,
Что в острие судьба сложилась?
Был честен, или это бред?
Добро ли только в сердце билось?

Весы стоят ни тпру, ни ну...
Я жду! Склонились бы к добру.

Сентябрь 2001 г.

НАРОД МОЙ

Нашли ли мы себя?
В скитаньях, поисках утраченного дома,
Вставая, падая, теряя свой язык...
И встречный ветер, место у руля
Блуждающего в вечности фантома,
И каждая удача – только миг.

Устали ль мы?
От травли, унижительной погони...
По горным тропам, по брусчатке городов...
Вдали затеплилась заря среди тьмы –
Плоды, родившиеся в стоне
Набухших почек солнечных садов.

Зачем мы здесь?
Кто нам судьбу такую обозначил –
Отечество веками стертых лет?
Да, есть решение небес:
С весельем путь и плачем
Выводит нас из ночи в свет.

Февраль 2003 г.

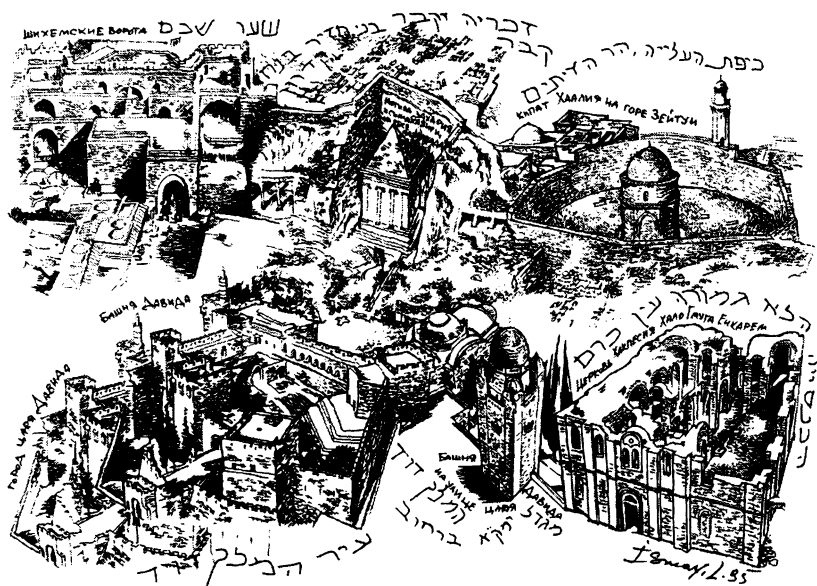
ФОРТЕПИАННЫЙ КОНЦЕРТ

Рояльные залы, джентльмены и дамы...
И люстр алмаз разливающий, светлый.
И руки годами игравшие гаммы,
Чарующим звуком рождают рассветы.

Стараюсь я звуки увидеть, но тщетно:
Они проникают в партеры и ниши,
Сбегая с настроенного инструмента,
Спасаясь по щелям, пугливые мыши.

На сладость гармонии, ясность природы.
Я тонко настроен в антенну радара,
А пальцы шьют бисером клавиатуру
Искусством солиста природного дара.

Нью-Йорк. 2007 г.

ПОЙДЕМ СО МНОЙ В ИЕРУСАЛИМ

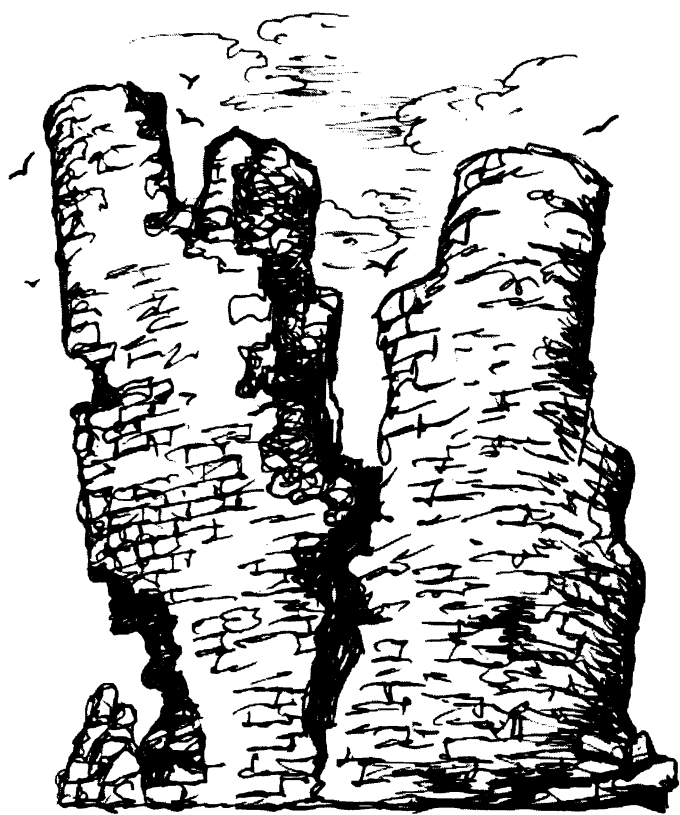
Моему другу Марку Вольфсону

Пойдем со мной в Иерусалим.
Там предков сохранился глас,
Там засиял манящий нимб,
Там бьется в дверь желанный час.

Туда судьбы ведет тропа,
По ней пройдет весь мой народ,
Коснется святости стопа
Порога дома, что нас ждет.

Пойдем со мной в Иерусалим,
Оставив ценностей порок,
Пойдем, собрав духовных сил,
Пойдем, чтобы добраться в срок.

Апрель 2008 г.

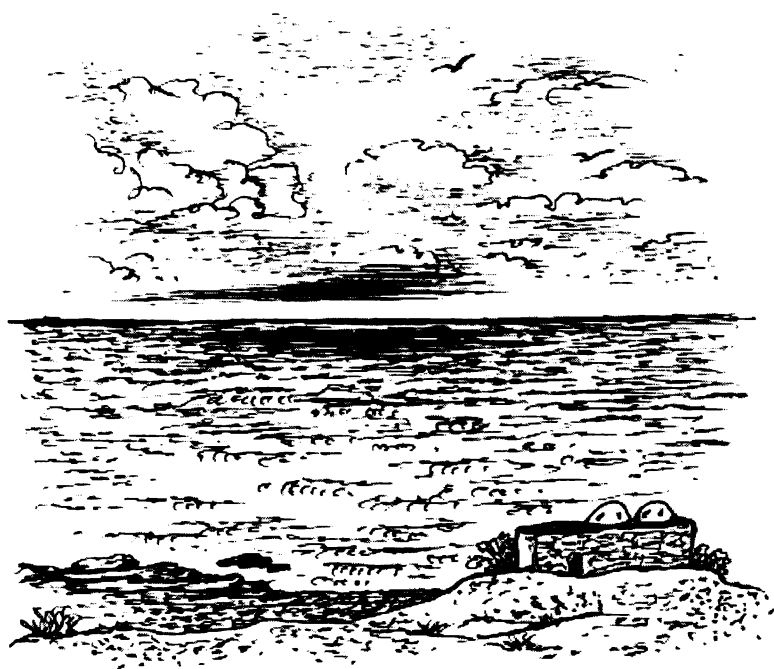
ЗАСЕЯННОЕ ПОЛЕ

Еще ничего не потеряно
В пиру заблудившихся чувств.
Я брошусь по зову по первому
И скуку развею и грусть.

Мне надо остыть от нелепости,
Душевный огонь погасить.
Наш мир, мне казавшийся крепостью,
Мог лопнуть, как тонкая нить.

А поле мое всё засеяно,
Я думал, возможно, и зря.
Душа вся тобою прострелена,
Её залатать мне нельзя.

Нью-Йорк, 1989 г.

ПРИСЛУШАЙТЕСЬ К МОЛЧАНИЮ

Прислушайтесь к молчанию:

Не ткут там музы чаяний,

Там осторожной ночью

Ложь ходит нагишом,

На небе дремлют звезды

В преддверии прощаний,

Их охраняют в гнездах

И шпагой и плащом.

Дерзнуть хотя бы малость

Риторикой порочной,

Спокойных утр радость

Черпнуть большим ковшом.

Но тучи хмурят здания,

И мир весь в ожидании:

Звучальный оптимизм

Закрит напастью шор.

Дрожит от страха шарик,

Дрожит землетрясением,

Лучами солнца жарит

И стужит мир ножом.

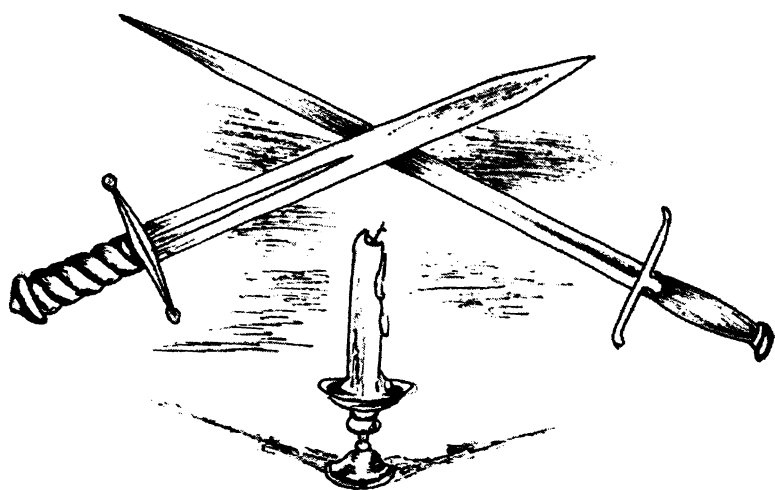
Но бремя острой схватки

Укусит землю ловко –

Я позвоночно гладкий

Коллапсным виражом.

Нью-Йорк, 2010 г.

НАДЕЖДА

Когда сошлись в бою мечи,
И избегают встречи взоры,
Мерцая, гаснет свет свечи,
А в мыслях патина и поры.

Когда доверия рука
Попала в пустоту надежды,
Здесь мёрзнет голая строка,
Стараюсь ей найти одежду.

Я знаю, где-то бродит шанс,
Как призрак в тлеющей пустыне.
Азербайджан – в нем декаданс
Не охладает, не остынет.

Нью-Йорк, апрель 2001 г.

ПРОСВЕТЛЕННЫЙ ОБЪЕКТИВ

Памяти фотохудожника Самария Гурария

Создал истории портрет
С бесценных негативов,
В которых лжи ни капли нет,
Лишь правда объективов.

Штатив треногий в землю врос,
Пред ним – гроза и сила.
Снимал их в фас и даже в рост –
Хозяев судеб мира.

Слепил направленный софит
Приплюснутые лица.
А он кидал в гипосульфит
Их, с бантами в петлицах.

Затем война. Трещал затвор,
Напыщенные речи,
И отступление, и позор,
И лагеря и печи...

Он летопись войны лепил
Пластично каждым кадром,
Запечатлел, как враг палил
В бегущих с жалким скарбом.

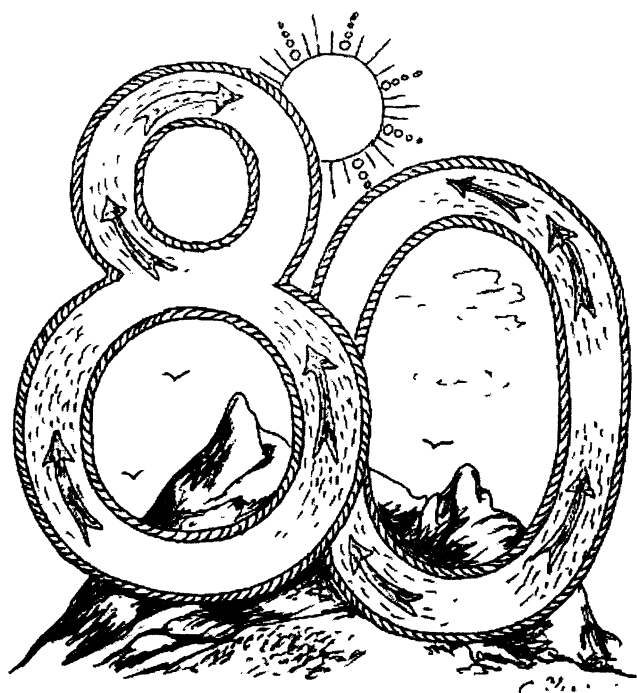
Казалось бы, совсем простой
Бросок из жизни нашей.
Вождь – полубог, насквозь рябой,
Нам с Мавзолея машет.

У стен Кремля парадный марш,
Погост немецких свастик.
Победно вскинулся палаш
Теперь уж мирной масти.

А после боя мирный труд
И гнусный фарс с врачами,
И как в тридцать седьмом берут
В ГБ людей ночами.

А вот и траурный аспект:
Наш вождь к одру прикован.
Лежит статический объект
Для фотографий новых.

Ноябрь 1996 г.

ЮБИЛЕЙ

Прощально кланяется в пояс
Осенний тихий ветерок.
Я не спешу попасть на поезд,
Который мчится в зиму, в срок.

Живу я в дружеских объятьях,
Укрыт доверьем и добром,
Живу не сложно – по понятиям:
Где *Alta mater* – там мой дом.

Семьей я горд, друзьями – светел,
Живу я с Вами, как в раю.
Вы мне, как ангел-добродетель,
Вам панегирик воздаю.

Вниманью вашему нет меры.
Оно, как сладостный глоток,
В меня вселило смелость, веру
И вдохновения поток.

Я не стыжусь за облик прежний,
Он мне, как золотые сны.
Бежит передо мной надежда
Не на один приход весны.

Москва. Ноябрь 2009 г.

ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО¹

Прекрасную прелюдию к «Бакинским ритмам» сделал Савелий Перец, Ноберт Евдаев в дуэте с Исмаилом Мамедовым с блеском отыграли всю основную часть, а на мою долю выпала нелёгкая и ответственная задача – финальный аккорд. А делать этого так не хочется!

Так не хочется прощаться с «фиолетовым летом», «разноцветными балконами», которые влюбляются друг в друга, с «заблудившимися чувствами» простреленной души... Перелистывая последнюю страничку этой книжки, мы как будто бы ещё раз прощаемся с миром детства, в который неожиданно окунулись.

Мне много не надо,
Хоть ломоть чурека
И гроздь винограда
Из прошлого века.

Эти простые незамысловатые строчки мелодией светлой, но всё же грусти, будут ещё долго звучать в моём сердце.

Мне, как и всем читателям этой книжки, было так хорошо, так комфортно в обществе талантливых мастеров, способных и пером, и кистью рождать настоящую музыку, что я решил не писать послесловие или, если уж придерживаться музыкальной теме, коды. Считайте мою небольшую импровизацию чем-то вроде интермеццо.

¹ Интермеццо – небольшая музыкальная пьеса или связующее построение, исполняемые между двумя основными частями произведения, например, между актами оперы или драмы, сонаты, сюиты.

Да, книгу мы с вами, к сожалению, уже дочитали, но получили при этом необыкновенный заряд положительной энергии, исходящий от её создателей. А раз они так легко, так щедро делятся ею с нами, то остаётся только догадываться, сколько же у них самих её осталось... Значит, ещё не всё сказано, не всё написано, не всё спето...

Значит, будем с нетерпением ждать новых встреч.

А знаешь ли ты, дорогой читатель, что прежде, чем сойтись под одной обложкой, строчки этой книги облетели чуть ли не полмира? Лучше всякого посла доброй воли она сумела соединить в себе азербайджанскую теплоту, американскую строгость, российскую разудалость и израильскую непредсказуемость.

Да-да, именно так: Баку и Нью-Йорк подарили авторам бесценные минуты вдохновения, Москва – дала финансовую возможность претворить плоды вдохновения в жизнь, а Тель-Авив – сделал так, чтобы книжка, которую мы с вами держим в руках, дошла до своего читателя и порадовала его эстетический вкус.

Что тут ещё добавишь? Ну разве только то, что мы в издательстве «Мирвори» получили настоящее удовольствие от работы с «Бакинскими ритмами», за что искренне благодарны их исполнителям.

*Йонатан Мишиев,
директор издательского дома «Мирвори»*

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Ноберт Евдаев. Творческая биография	8
Исмаил Мамедов. Творческая биография	10
Савелий Перец. Засеянное поле	12
Посвящение	20

БАКИНСКОЕ СЕРДЦЕ

Верните нас домой в Баку	24
Любуюсь тобою	27
Возвращение	29
Загульбинское детство	30
Ренессанс	33
Бакинский вокзал	34
Каспий	37
Вдали я слышу Каспия рыдание	39
Шестая школа	40
Я люблю эту землю	43
Мой Баку.....	45
Пятидесятые	46
Довоенное время	49
Алтайчик	51
Львовиана	53
Доктор	53
Детство и юность	53
Саша Лев	54
Лена Лев	55
Я жажду утолял шолларской... ..	57
Память	58
Ичери Шехер	60
Поэту Рашбилу Шамаю	63

Его дух в отражении дня...	64
Новелла	67
О, милый, о, славный Баку!	69
Дай обласкать тебя, мой город	70

СО ВРЕМЕНЕМ В ЛАДУ

Науки пик	73
Меж нами мост...	75
Где отдыхает небо	77
Подниму тебя ресницей со сна	79
Сладкая муза	81
Манаширу Якубову	83
Ресторан «Русский Самовар»	85
Сегодня я – король	87
Дружеский ветер	89
Скажи, Нью-Йорк	93
Шестнадцатилетие	97
Уже остыла Осень	99
Вы сегодня у нас королева	101
В шашлычной на Брайтоне	103
Цветок любви	105
Причалил жизненный паром	107
Народ мой	109
Фортепианный концерт	111
Пойдем со мной в Иерусалим	113
Засеянное поле	115
Прислушайтесь к молчанию	117
Надежда	119
Просветленный объектив	120
Юбилей	123

Йонатан Мишиев. Оптимистическое интермеццо	124
--	-----

Литературно-художественное издание

Евдаев Ноберт

БАКИНСКИЕ РИТМЫ

Сборник стихов

Издание 2-е, исправленное, дополненное

Иллюстрации И. Мамедов

Литературный редактор Л. Шакова

Редактор М. Козакова

Дизайн и компьютерная вёрстка Э. Алиев

Руководитель издательского проекта Й. Мишиев

Подписано к печати 22.04.2010

Формат: 70 x 100 1/32. Гарнитура Times New

Печать офсетная. Усл. печ. листов 5,16

Тираж 1000 экз.

Издательский дом «Мирвори»

Адрес редакции: Израиль, Нетания, ул. Бренер 10

Адрес для писем: Israel, 42441, Netanya, P.O.B. 359

По вопросам приобретения и заказов обращаться по тел.:
за рубежом – 972-9-8840855, 972-9-8870811, 972-54-7766822

в Израиле – 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822

E-mail: mirvori@mail.ru

Издательство «New Frontier», New York

Исключительное право на публикацию книги принадлежит автору.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без письменного разрешения автора запрещается.

По всем вопросам, связанным с изданием данной книги,
обращаться к Ноберту Евдаеву: Nobertyevdayev@yahoo.com

